

Александр Ярлыков

Рог шерстистого носорога

Повесть

Александр Ярлыков

Рог шерстистого носорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73072393

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой удивительной повести оживают ледники и удивительные доисторические животные, тут борются добро со злом и формируются человеческие души.

Эта история полна необыкновенных приключений, захватывающих поворотов сюжета и удивительных героев, а любовь появляется там, где её совсем не ждёшь. За кем же все-таки будет победа, за добром или злом? Погрузитесь в мир каменного века вместе с героями повести и узнайте ответ.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Рана	9
Глава 2. Шаман	17
Глава 3. Братья	27
Глава 4. Схватка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Ярлыков
Рог шерстистого носорога

Пролог

Эта история нигде не записана, никем не рассказана и не пересказана. Но я точно знаю, что она была в реальной действительности.

Она жила со мной с самого начала, когда я пришёл в этот мир и услышал свой первый крик, покидая надёжное материнское убежище, а может ещё раньше, когда я крошечным зародышем плавал в этом убежище, утробе матери, питаюсь её кровью, или ещё раньше, когда соединились две клетки в одну новую жизнь, впитавшую информацию всех предыдущих поколений.

Где, в каких глубинах подсознания, в каком хранилище мозга или души зашифрована была информация об этой истории, я не знаю до сих пор. Возможно, о ней никто никогда бы и не узнал, если бы я случайно не увидел плакат с изображениями сказочных чудовищ в окне одного московского здания. Так я впервые попал в палеонтологический музей.

Мне было восемь лет. Родная тетя везла меня в деревню на все лето. В Москве пересадка. Мы убивали время в ожидании прибытия поезда. Так что музей попался очень даже кстати. Детей пускали бесплатно, а взрослый билет стоил какие-то копейки.

Мир доисторических существ окружил меня. Зачарованный, задрав голову, я бродил между скелетами динозавров,

переходя от одного монстра к другому, пока не остановился возле одного чучела. Я стоял и смотрел на косматое чудовище исполинских размеров, гораздо больше самого крупного быка в стаде той деревни, куда везла меня тётка.

– Шерстистый носорог. Вымер 10 тысяч лет назад, – читала тётя пояснительную табличку, прикреплённую к постаменту чучела, невольно ослабив контроль за мной в музейной тишине.

А я протянул руку, чтобы коснуться острия рога! И в этот момент я ощутил, что уже делал такое движение. Да, да, я когда-то уже одновременно испытал это чувство страха, восторга и радости, ощущая детской ладошкой шершавую поверхность рога реликтового неизвестного мне, невиданного зверя. Это длилось секунду, меньше секунды – миг. В одно мгновение ощущение исчезло, как и появилось, когда я отдернул руку, услышав от работницы музея грозное: «Руками не трогать!»

Видимо, тогда мой мозг поймал за кончик хвоста информационную нить клубка родовой памяти и попытался его распутать, но не был готов к этому.

Учась в третьем классе, однажды я, как и все ученики, выполнял рисунок на свободную тему.

Девочки рисовали цветы, мальчики самолёты и ракеты. Моя рука плавно вывела очертания чудовища, увиденного мною в музее. Я рисовал шерстистого носорога. Учитель был

недоволен, он привык, что ученики рисовали корабли и танки. Я не мог объяснить свой выбор, и оттого волновался, но получил четвёрку, потому что носорог был нарисован идеально. И сейчас, когда я начинаю писать эти строки, у меня учащается пульс, а душу охватывает трепет.

Начало этой истории восходит к временам, когда первые люди жили по неписанным законам мироздания. Нигде не записанные, эти законы выполнялись неукоснительно.

Люди жили в единении с природой, полностью зависели от неё. Опасности окружающего мира превращали осторожных, пугливых и слабых существ в храбрых, дерзких и сильных людей.

Они бросали вызов внешним угрозам, оставаясь наивными и доверчивыми по отношению друг к другу, ведь только так они могли выжить. И не только выжить, но и стать властителями земли. Понимая природу, умеющие разговаривать с животными, они готовили свои души к восприятию прекрасного, к творчеству, любви, созиданию – понятиям, свойственным только человеку.

Когда же у человека появились ростки эгоизма, жадности, зависти?

Когда и почему меж людей стали возможны обман, измена, вседозволенность, а позднее предательство и вероломство?

Когда человек стал использовать дарованную ему свыше способность мыслить, анализировать не во благо живущих

рядом, а во вред им, возвеличивая себя и унижая остальных?

Итак, ...

Глава 1. Рана

Серый хищник настигал подростка. Погоня началась, когда между ними было шагов триста. Русоволосый мальчик, лет 10-12, выкапывавший съедобный корень, ощутил на себе пристальный взгляд жёлтых глаз плотоядного зверя из-за куста волчьего лыка, рядом с листопадным лесом. От этого взгляда противно затошнило, заныло между желудком и бешено забившимся сердцем.

Крик о помощи, сорвавшийся с окаменевших, парализованных страхом губ, разорвал опускающиеся на землю сумерки. Этот крик растекся липкой холодной волной по земле, заползая змеёй в каждую норку, занятую осторожным грызуном, он поднялся по стволам, проник в дупла деревьев, заставляя покинуть пернатых свое неприступное жилище. Он разрывал барабанные перепонки травоядным всех размеров. И только в ушах хищников крик звучал любимой и желанной музыкой.

Когда зверь понял, что он замечен, и маскироваться дальше нет смысла, он ринулся в атаку. Одинокий волк, волк-изгой, изгнанный из стаи за нарушение закона, обречённый на скитание в одиночестве, скрывающийся, как от чужих стай, так и от своей, вынужденный добывать пропитание в одиночку, выбрал своей добычей мальчика.

Это был волк трехлесток, вступивший во взрослую жизнь,

которому приглянулась волчица, принадлежащая вожаку. Вчерашний волчонок осмелился показать клыки главному волку стаи. Последовала жестокая расправа. Ему бы заскулить и опрокинуться на спину, но уж больно хороша была волчица, смотревшая за схваткой. Молодой волк продолжал драться. Волчица укусила его последней и совсем не больно. После того, как его начала рвать вся стая, все десять взрослых волков, это было единственным утешением.

Раны закрылись, но он истощил свои силы, питаясь ящерицами и лягушками. А убить даже косулю не хватало прыти.

И хищник выследил мальчика. Это была последняя надежда – убить мальчика и продлить себе жизнь.

– Янко!!! – пронзительно закричал мальчишка. – Помоги!

Поздно! Челюсти капканом захлопнулись на ноге, хрустнули кости.

Мальчик почувствовал сильнейшую боль, попытался вырваться. Но хищник не отпускал. Кровь текла по его клыкам, шерсть стояла на загривке дыбом. Он тянул добычу на себя, упираясь передними и задними лапами в землю, перехватывая ногу всё выше и выше, чтобы вцепиться в горло. Волк уже праздновал победу, но удар копья заставил волка разжать челюсти. Каменный наконечник пробил волчий череп под левым глазом. Удар наносил другой мальчишка, прибежавший на помощь сородичу.

Зверь не ожидал, что мелкое существо без клыков и ког-

тей способно хлѣстко бить на манер удара рогами оленя или удара клыком секача, как не рассчитывал, что кто-то придет на помощь его жертве.

Клыки против копья с каменным наконечником, звериный инстинкт против человеческого навыка. Шансы примерно равны. Волк отпустил свою жертву и бросился на мальчишку с копьём, и тут же получил удар, выбивший ему клык. Мальчишка оказался умелым бойцом, и готовился нанести третий удар, но опустил копье.

Волк был один, а к месту схватки, издавая крики, бежали одетые в шкуры такие же двуногие существа, только крупнее, и копья у них были длиннее и смертоноснее.

Зверь отступил и скрылся в кустарнике, слизывая и глотая оставшуюся в пасти и на морде человеческую и свою кровь.

– Хром?! – подросток, прогнавший волка, не выпуская копья, назвал русоволосого по имени. Но тот не ответил: Хрома была крупная дрожь, из раны на ноге текла кровь, по двум грязным дорожкам на щеках бежали слезы.

Взрослые обступили подростков, подвергшихся нападению. Янко – ровесник Хрому, но повыше ростом, хорошо сложенный, смуглый с кучерявой шапкой темных волос, оживлённо показывал, как он прогнал зверя.

Хром терпел боль, переводя взгляд с ужасной раны, нанесенной волчьими клыками, на взрослых и на самого рослого из них в львиной шкуре на плечах. Мальчишка встретился взглядом с человеком в шкуре льва, и этот человеческий

взгляд показался страшнее волчьего. Подросток понял, что на него глядят оценивающе:

«Способен ли он жить, или его лучше оставить тому же волку или падальщикам, наверняка почувствовавшим запах крови маленького человека?»

Рука, прикрытая жёлтой шкурой, приподняла копьё и направила его на несчастного.

– Брат! – крикнул Янко. Он и одна из женщин бросились к раненому мальчишке и помогли ему подняться. Мужчина в львиной шкуре опустил копьё.

«Не в этот ли момент оценивающего взгляда началась коррозия примитивной детской души? Не тогда ли появился на ней первый, чуть заметный налет ржавчины, впоследствии разрушивший её, приведший к драматическому финалу этой истории? А может, первопричиной послужила сверлящая боль в ноге, прокушенной волком? Боль, приступы которой будут постоянно мучить его, которая заставит его ненавидеть волков, которая рано или поздно разбудит черных демонов его души?»

Хрому промыли рану самым проверенным способом, помочившись на нее, залепили ее рваные края подорожником.

Двое охотников подхватили подростка с двух сторон и горстка перволюдей, озираясь по сторонам, опасаясь повторного нападения, зашагала по направлению к стойбищу. Янко не отставал. Волчий клык он взял с собою.

Стойбище, которое неосмотрительно покинули подростки, представляло собой плотно вытопанную площадку шириной шагов 300 и длиной 400. Естественными границами служил растущий кустарник высотой до полутора метров. Рос тут волчегородник с красными мелкими ягодами, съев которые, можно замереть навсегда, кололся острыми колючками барбарис. Его ягоды, красные, удлинённые, кисло-сладкие на вкус, нещадно обрывались жителями стоянки. Кусты ракиты прятали протекающую по склону сквозь них журчащую речку-ручеек. Лес, чередуясь с открытыми участками разнотравья, уходил за горизонт на южной и западной стороне. На севере и на востоке холмистая равнина переходила в горную гряду, с текущим между склонами ледником.

В центре стойбища из камней было выложено кострище. В нём постоянно поддерживался огонь. Вокруг очага кольцом стояли нехитрые жилища шалашного типа, напоминающие пирамидки. Несколько прямых тонких стволов деревьев длиной до десяти локтей, воткнутых между валунами, расположенными кругом, были связаны у верхушек, что делало конструкцию устойчивой. Чум обшивался шкурами медведя или бизона со всех сторон за исключением входа. Низ также был выстлан шкурами.

Стены были укреплены сцепленными между собой оленьими рогами. Перед некоторыми шалашами также были выложены кострища, только поменьше центрального.

Свет от костров освещал озабоченные лица мужчин и женщин, обращённые к возвращающейся компании. Они бросили свои занятия и с тревогой смотрели на соплеменников: опять нападение хищников, опять впереди бессонная ночь.

Стойбище располагалось перед скалистым массивом, козырьком прикрывающим вход в просторную пещеру высотой в два человеческих роста. Недалеко от входа находилось ещё одно примитивное сооружение. Его вертикальные стены были сделаны из стволов толщиной в ногу человека и выше человеческого роста. Стены снизу укреплены скальными камнями и обмазаны глиной. Несколько жердей, положенных меж расщепленных верхушек стволов, образовали потолок первобытного строения. Стены и потолок также обшиты шкурами. Внутри могли разместиться человек пять.

Похожее жилище, несколько больших размеров, располагалось чуть поодаль. Эти жилища отличались от конусообразных шалашей добротностью и размерами. В первом обитал Шаман, в другом человек в львиной шкуре.

С противоположной стороны горы склон также прорезали пещеры. Некоторые заканчивались слепо. Некоторые причудливо соединялись извилистым лабиринтом то узким, то расширяющимся до нескольких десятков шагов. Описываемая пещера соединялась с другой небольшой щелью, куда мог протиснуться человек, но не мог пролезть крупный хищник. В эту щель уходил дым от кострища, когда костер раз-

водили в самой пещере во время ненастья и холодов, нередко оттуда выползали громадные крысы.

Туда уносили человека, который замирал навечно, туда уходили охотники, освещая свой путь факелами.

Во всех этих случаях щель расширялась, растаскивались камни, искусственно сужающие проход. Люди были совсем не первыми и не единственными обитателями этих жилищ, воздвигнутых природой.

Отвлеченные известием о нападении волка, жители стойбища вернулись к своим привычным занятиям: приготовлению пищи, выделке шкур, изготовлению орудий труда и охотничьего оружия. Хрома по указке человека в львиной шкуре отнесли в жилище с горизонтальной крышей, расположенное в самом начале пещеры. Сам же хозяин львиной шкуры — Вождь удалился в свое.

Хром, как, впрочем, и все, кто жил рядом, испытывал почтительный страх перед Шаманом, человеком, в чьем жилище он оказался.

Хром лежал на настиле из жердей, покрытом медвежьей шкурой. В изголовье находился плоский камень с разбросанными на нем нуклеусами — заготовками из камня для выделки бытовых орудий, украшениями из костей и статуэтками из обожжённой глины. Шаман дал раненому пожевать сухого измельчённого порошка со вкусом грибов, затем наклонился над мальчиком и стал раскачивать свое тело плавными движениями. В такт раскачивалось и ожерелье на его шее

из клыков хищников. При этом он мерно стучал в туго натянутую на скреплённые между собой полукольцами ребра сайгака кожу.

Пятна жёлтой охры на его лице сливались в сознании Хрома в сплошную линию, пустые глазницы на волчьей шкуре, накинутаой на плечи Шамана, гипнотизировали подростка. Он видел, как Шаман отложил свой примитивный музыкальный инструмент, взял с камня глиняную статуэтку, напоминающую волка, и проткнул её костной иглой, шепча при этом заклинания. Хром засыпал

Боль в ноге стихала.

«Почему Янко не предостерёг его об опасности? Почему не пришел на помощь раньше? Янко виноват в случившемся». С такой мыслью, пожевав грибов-галлюциногенов, Хром забылся. Шаман вышел сказать, что мальчик, наверное, будет жить, и наткнулся на Янко. Янко стоял с дымящимся куском мяса, нанизанным на палку, и протягивал ее Шаману.

Глава 2. Шаман

Шамана раньше звали просто Тхо.

Худой, высокий, с длинными, но сильными руками, с лицом, заросшим густой всклокоченной бородой, с большим крючковатым носом, Тхо выделялся среди соплеменников не только высоким ростом, но и внимательными темными глазами под высоким лбом.

Тогда Янко и Хром только вышли из младенчества

Полнолуние. Волки, словно ночные призраки, бесшумно заняли свои позиции на опушке смешанного лесочка – места ночёвки оленей. Вожак и главная волчица, описав широкий полукруг на своих быстрых ногах, обогнули рощицу и остановились в ее глубине. Пора!

– У-у-у-у – прорезали ночную тишину два волчьих голоса, испугав стайку молодых оленей и долетев до стойбища людей, расположенного в нескольких километрах от места охоты.

– У-у-у-у, – ребёнок на руках подражал волку. Он смотрел то на ночное светило, то на мать.

– У-л-у-у-н, Л-у-у-н-а, – повторял мальчик.

– Звери выходят на охоту, нам надо прятаться Тхо, – жен-

щина взяла сына на руки и укрылась в своем примитивном жилище. Малыш слышал предсмертный крик оленя и ещё сильнее прижался к матери.

Тхо слыл в племени наблюдательным собирателем и не совсем удачливым охотником.

«Почему на солнце можно смотреть только ранним утром или вечером, когда оно встаёт из земли или садится в землю? Почему на Луну можно смотреть долго, а на солнце нет? Куда исчезает Луна?»

Такие вопросы вспышками озаряли развивающийся мозг Тхо в самые неподходящие моменты, например, когда надо бросить копье в бегущего сайгака. Загонщики недовольно ворчали и, зная за Тхо такую слабость, ставили к нему второго и третьего охотника.

Зато у Тхо был особый нюх на съедобные ягоды, корни, травы грибы. Этому его научила мать.

«Видишь, дерево облепили птицы и клюют красные ягоды, значит рви их сам и ешь смело.

Грибы – нюхай. Съедобные пахнут приятно, в них водятся червяки», —запомнил Тхо.

Когда 25-й раз в жизни Тхо лиственный лес сбросил листву, он нашел в дупле старого пня маленькие неизвестные грибки. Понюхал, попробовал на вкус, и, не найдя их подозрительными, прожевал несколько шляпок с ножками. Вскоре ему стало так легко, что, казалось, он мог подняться в

небо. Было тепло. Тхо бесстрашно устроился возле костра, лег на спину, созерцая закат.

Наступающая темнота, рыскание хищников, больше не пугали Тхо. Голова немного кружилась. В ночном небе он угадывал в скоплениях звёзд очертания разных животных. Луна показалась глазом хищного зверя, смотрящего на Тхо, наклонив голову, веко которого постепенно, день ото дня, будет закрываться, оставляя от глаза узкую полосу, пока не закроется совсем. Потом три ночи зверь будет отдыхать от хождения в небе – спать в берлоге, переваривая добычу.

Тхо был очень доволен такому логическому построению своих мыслей. С такими выводами Тхо уснул. Проснувшись, он собрал подсохшие грибы, завернул их в кусочек шкуры и спрятал под камень.

Каждую ночь Тхо наблюдал, как зверь приоткрывает свое око и смотрит с неба, сильно щурясь, чтобы лучше рассмотреть что-то на земле, вероятно, очередную жертву.

Охотники с желанной добычей всё не возвращались, и племя не ело свежего мяса.

Значит надо ловить мелочь – ящериц, лягушек, ежей, разорять гнёзда птиц. Тхо безошибочно мог определить, в каком дупле можно найти гнездо с кладкой яиц, в какое лучше не соваться, рискуя нарваться на немигающий взгляд змеи. Тхо знал съедобные растения, слушал деревья, чтобы найти среди них «гудящее» дерево, в котором есть мёд.

Ничего вкуснее меда Тхо не ел. Пару-тройку укусов пчел можно перетерпеть. Но однажды он нарвался на особо агрессивных пчел, которые гнали его до самого стойбища. Тхо отмахивался от них, обежав несколько раз вокруг главного кострища, вскрикивая и подпрыгивая при каждом ядовитом уколе жалом. Наблюдавшие за погоней женщины отложили выделку шкур и вместе с детьми смеялись над Тхо.

Тхо влетел в пещеру, рой пчел ринулся за ним. Он петлял, как заяц по пещерному лабиринту. Рассерженные медоносы загнали собирателя меда в конец пещеры.

Тхо вжался в расселину между камнями. Пчелы угрожающе гудели. Тхо протиснулся дальше и почувствовал, как сквознячок охладил его ноги.

Это означало, что пещера имеет продолжение. Он потерял укушенные места и полез дальше по каменному лабиринту.

Лабиринт постепенно расширялся, стены расступались, потолок резко уходил вверх. Темнота отступала. Дневной свет лился сверху через пролом боковой стены. Тхо оказался в овальном гроте, где от стены до стены было шагов сто. Плоский валун лежал в центре, вокруг валялись кости и черепа животных.

«Кто притащил их сюда, зверь или человек? Может здесь прячется днём зверь, чье око светится ночью и смотрит сверху на землю? Он находит жертву, спускается на землю, убивает ее, приносит в пещеру, пожирает ее и отдыхает до следующей охоты».

Тхо выбежал из пещеры и вернулся на стойбище. Он хотел рассказать о находке, но женщины, увидя распухшее от укусов лицо соплеменника, опять засмеялись. Тхо молча прошёл к ручью, сорвал несколько зелёных круглых листьев, прижал их к отеку векам и губам. Вернулся он уже с нормальным лицом и занялся выделкой шкур.

— Что ты носишься, как ужаленный Тхо!? — осаживали матери не в меру расшалившихся подростков. Ужаленный Тхо — стали звать его охотники. Но вскоре смешки прекратились.

Однажды он пропал. Тхо не видели третий восход солнца. Его не было с охотниками, его не было и на стойбище среди стариков и женщин, копошащихся возле своих жилищ. Среди собирателей ягод, грибов и прочей съедобной мелочи Тхо тоже не было. Его уже не надеялись увидеть.

А Тхо лежал на полу в овальном гроте. Он измазал себя грязью из пепла и глины, взятой тут же, и накрылся шкурой медведя, оставив щелочку для глаз. Так он замаскировался и ждал, когда небесный охотник вернётся в предполагаемое логово.

Кусок мяса, принесённый им, ароматно пах на плоском валуне. Небесный охотник должен заметить его.

Было тихо. Изредка шуршали кожистые крылья летучих мышей, чьи силуэты отпечатывались на жёлтом круге луны. Сам Тхо пожевал прихваченные с собой сухие грибы, и часы ожидания пошли быстрее. Он вновь почувствовал лёгкость

в теле и в мыслях. Тхо уснул. Ему снились небесные звери.

Два светящихся глаза уставились на него. Тхо чувствовал на своем лице чьё-то влажное дыхание, жёсткие усы, досадовал, что просмотрел, как и откуда пришел зверь и приготовился к смерти. Но зверь не стал трогать Тхо. Зверь проглотил кусок мяса и скрылся.

Выйдя из лабиринта, Тхо застал полупустое стойбище. Некоторые женщины с детьми, увидев худую фигуру вернувшегося Тхо, попрятались в жилища. Они считали, что соплеменник вернулся откуда не возвращаются. Только у одного шалаша продолжали возиться два мальчугана, а женщина скоблила шкуру.

– Янко, Хром! – она цыкнула на детей и загнала их в шалаш, с испугом взирая на подходящего Тхо.

– Где ты был, где охотники? – спросила она Тхо. – Третий день без мяса.

– Сегодня будет мясо, – уверенно произнес Тхо, перехватив её испуганный взгляд, и отправился к ручью смыть с лица грязь.

Вечером того же дня возвратились мужчины с охоты. Охота была успешной. После нескольких неудач удалось убить большого оленя.

Тхо рассказал им о встрече с Небесным зверем.

Его слушали со страхом и изумлением. Под воздействием грибков-галлюциногенов глаза Тхо горели, зрачки расширились, речь лилась плавно и связно. Тхо дополнял её точными

жестами, держал многозначительные паузы.

Из рассказа выходило, что Луна – это глаз Небесного хищника, самого главного охотника. Тхо сразу объяснил, что Небесный зверь похож на медведя, гиену и на льва одновременно. Это он глотаёт солнце, чтобы дать возможность и ночным хищникам добывать пищу, а потом выпускает его на небо.

Небесный зверь насытился мясом, которое принес ему Тхо, и послал добычу другим. Тхо был очень убедителен, а аудитория благожелательна.

Так Тхо связал эти события. Долгожданное мясо оленя шипело и трескалось на плоских валунах, разогретых огнём костра до малинового цвета. Пахнущее ещё свежей кровью, оно впитывало запах горящей древесины, аромат дыма и служило главным подтверждением слов Тхо.

Тхо достался самый сочный кусок. Рассказ слушали с благоговением даже опытные охотники. Они устремляли свои взгляды на кроваво-красную луну.

Им чудилось, что зверь смотрит на них. Самый сильный охотник смотрел в небо и одобрительно кивал головой.

А Тхо рассказывал и рассказывал, добавляя в свое повествование новые подробности, обжигая руки и губы о жадно глетаемые куски дичи.

Тхо с того дня больше не бегал с копьём наперевес за сайгаками.

Он разговаривал с небесным зверем, обращался к нему как к Небесному Охотнику, делал ему подношения. Тхо просил помощи больным или раненым, в голодное время просил дичи, молодые охотники просили показать их небесному повелителю, чтобы удача сопутствовала им на охоте.

Тхо нашел в пещере места, где проступала на камнях жёлтая и красная охра, стал мазать ей свое лицо, нацарапал на стене пещеры профиль, отдаленно напоминающий очертания гиены и медведя, добавив хвост льва, воткнул в волосы перья птицы, повесил на шею ожерелье из зубов хищников и заметил, как отношение соплеменников к нему изменилось. Тхо никто не дразнил «ужаленным». Шаман Тхо!

С тремя охотниками он прошел по запутанному лабиринту, теряя ориентировку, заходя в тупики и избегая коридоров, где обнаруживались свежие следы гиен и медведей, с остатками недавно разгрызенных костей.

Поблудив по пещерам, охотники вышли на противоположный по отношению к стойбищу склон горы. Склон достаточно крутой, поросший редкими сосенками и карликовыми берёзами в верхней части, в нижней служил опорой настоящим соснам, березам и осинам. Лес чередовался с открытыми участками разнотравья.

На его опушке паслись косули, олени, кабаны, лоси, сюда из хладных пещер выходили дневные и ночные хищники. Благополучно пройдя звериными тропами, Шаман вернулся

к стоянке перед своей пещерой, сопровождаемый охотниками, как почётной охраной.

Позже он заставит повторять этот путь всех мужчин и юношей племени, придумав обряд посвящения в охотники. Женщины пугали детей, что отдадут их Тхо, если не будут слушаться. Старые просили проводить их в путь откуда не возвращаются. Соплеменницы были уверены, что Тхо знает-ся с тенями ушедших людей, может разговаривать с растениями и зверьми. Шаману верили, Шамана боялись, Шамана слушали.

Глава 3. Братья

«Предопределена ли судьба человека, или её невозможно предсказать и она определяется множеством столкновений с обстоятельствами и с судьбами других людей? Есть ли код судьбы у каждого человека?

Где найти этот тайный шифр: в звёздах, разбросанных на небе, в линиях и узорах на ладонях, в рисунке радужной оболочки глаз?»

Янко и Хром появились на свет почти что одновременно. Так случилось, что мать Хрома, давшая ему жизнь погибла от клыков пещерной гиены, и Хрома стала кормить другая женщина, та, что родила Янко, сделав их молочными братьями.

Тепло и свет яркого солнца, чистоту родниковой воды, свежесть утреннего воздуха, зелень растений и аромат цветов, всю первозданную красоту мать природа поделила поровну между братьями. Не делала она различий, посылая испытания своим детям или обрушивая на них свой гнев.

Они одинаково дрожали от холода в темноте ночей, с одинаковой силой прижимались друг другу во время грозы и землетрясений, одинаково замирали от страха, когда извергался вулкан или рычали хищники.

Родная мать немного больше уделяла внимания своему сыну. Чуть дольше прикладывала его к груди, чуть ближе клала к себе и к костру, чуть реже шлепала. Она ушла туда, откуда не возвращаются, когда братьям было по десять лет и у них появились крепкие зубы. Оба, наконец, попробовали вкус крови, вкус жизни, отнятой у других.

Взрослые охотники, придя с кусками срезанного мяса, бросали его подросткам, возившимся на открытой поляне стойбища. Голодные дети бросались за куском, вырывая его друг у друга, отчаянно, как настоящие волчата, пуская в ход зубы и ногти, что забавляло взрослых охотников. Сквозь дым костра смотрели на своих чад их отцы. Они приносили парное, пахнущее кровью мясо, учили крепко держать древко копья или дротика, рассказывали кого из зверей бояться, кого считать добычей.

В стычках за кусок мяса или плод всегда побеждал Янко. Хром не мог составить ему конкуренцию. После волчьего укуса он припадал на правую ногу, уступая молочному брату в скорости и ловкости. Приступы сверлящей боли в ноге мучили Хрома.

Рослый и удачливый Янко скорее всего должен был стать следующим вождём после ухода человека в львиной шкуре в племени, насчитывающим пятьдесят человек, стало быть он мог выбрать лучшие куски мяса, лучшую женщину, лучшее место у костра.

Первобытная душа Хрома неосознанно воспротивилась

этому. И вот что произошло спустя некоторое время.

Пацаны росли, голос их грубел, мускулы наливались силой, молочные зубы сменились на постоянные. Подражая взрослым, они могли убить мелкую дичь, а Янко даже схватился с волком, и в семнадцатое лето Янко и Хрома Шаман подошёл к Вождю: «Пора!»

В этот день Шаман дал юношам пожевать высушенных грибов, отчего у них как будто зашумел ветер в голове, участился пульс, а мысли стали расплываться, как очертания предметов в утреннем тумане. Он же нанес пальцем на лбу юношей полосы жёлтой охры, одел на шею им амулеты из перламутровых створок раковины. У Янко уже висел на шее волчий клык, но Янко не противился: чем больше амулетов, тем меньше страхов. Янко и Хрома ждало испытание: готовы ли они к взрослой жизни.

Красное светило прокатилось по небосводу и уступило место жёлтой, как глаз тигра, луне. Шаман последние ночи ждал, когда глаз раскроется полностью и Небесный зверь опустит к земле свою морду, угадываемую по мерцающим точкам, проколотым его жёсткой шерстью в черном покрывале ночи.

Шаман наблюдал за движением ночного глаза, стоя на плоском валуне на краю стойбища. Он ждал, когда круг без зрачка коснется края скалы над входом в пещеру.

Как только это случилось, лучшие охотники, измазанные

охрой, с перьями в волосах, окружили и повели юношей в глубь пещеры к лабиринту, вход в который был ранее завален булыжниками, крупными костями с остатками сухожилий и обрывками шкур.

Сегодня вход в лабиринт был расчищен и свободен. Юношам предстояло до утра пройти лабиринт, выйти из него живыми, став настоящими охотниками, или остаться там навсегда. Пройдя по остаткам еды и слою пепла, Янко и Хром по очереди шагнули в неизвестную им темноту лабиринта, потревожив его обитателей. Крысы разбегались из-под ног шедших, обжигая их стопы своими холодными хвостами.

Как только свод пещеры ушёл вверх, летучие вампиры, расправив кожистые крылья, начали пикировать на людей сверху, цепляясь пальцами-крючками за кожу, срезая ее участками зубами-бритвами и слизывая выступающие красные капли. Янко срывал летучих тварей с себя, душил их, давил босыми ногами крыс. Писк раздавался и сверху, и снизу, но наконец вампиры отступили.

Юношей привели в незнакомую им часть пещеры – овальной формы грот. Шаман остановил идущих. В этот момент в расселине в своде пещеры показалась Луна. Холодный тусклый свет пролился на стены овального грота. В центре лежал плоский, как поверхность озера, валун. На нем возлежал череп какого-то крупного хищника. Вокруг валялись кости. Чучело на четырех ногах из соломы, обмазанное глиной, находилось тут же: оно напоминало быка или медведя. Зло-

вещей пустотой темнел провал в стене в двадцати шагах за плоским валуном. Кого он скрывал и куда вел, Янко и Хром не знали.

Шаман, освещенный лунным светом, опустился на колени, согнулся в поклоне. Затем, не вставая, он выпрямил тело, протянул руки к ночному светилу. Пятна и полосы жёлтой охры, которые он нанес на свое тело рисунком, как пятна у леопарда, вспыхнули, а дрожь тела передалась ожерелью из клыков и когтей. Он схватил юношей за руки, словно клещами, и вытащил их на самое освещённое место.

– Зверь Небесный, Главный Охотник! Испытай двоих юношей, разреши им охотиться в твоих владениях! – Шаман повторил три раза слова, посланные в ночное небо.

Янко и Хром смотрели, как глаз зверя наливался кровью, на нем появились темные пятна.

– Он увидел вас!

Зрачки Шамана расширились, он и охотники окружили глиняную фигуру и стали по очереди втыкать копья в чучело, приглушённо охая и раскачивая свое тело в такт с другими. После того, как каждый ткнул скульптуру копьём, мужчины отошли к дальней стене округлой пещеры, слившись с темнотой. Янко и Хром одновременно с облегчением вздохнули.

«Всего-то надо проткнуть глиняное чучело копьём и найти выход из пещеры до утра», – решили они.

Юноши ещё раз оглядели место, где они стояли.

Кости и большинство черепов, по-видимому, принадлежали копытным. Но, если бы они посмотрели внимательнее, то нашли бы и человеческие черепа.

Из провала потянуло воздухом, принесся неприятный запах чьих-то экскрементов. Янко поморщился и провел рукой по своим плечам – ладонь была мокрой от свежей крови. Кровь не сворачивалась: вампиры имеют свойство разжижать кровь своей слюной. Не лучше выглядел и Хром. Янко втянул расширенными ноздрями порцию воздуха, пропитанную неизвестностью и страхом, и какими-то звериным чутьем понял, что люди тут не одни и что несвернувшаяся кровь, её запах может выдать их.

Он вытащил копьё из чучела, попробовал острое и поцеловал амулет – красивую раковину, висящую на шее.

Луна продолжила своё движение по небосводу. Жёлтый глаз уже не смотрел в расселину, постепенно темнота окутала пещеру и подростков.

Гиены и медведи жили в этой местности более миллиона лет. Они любили эти пещеры у подножия скалистых гор. Гиенам здесь удобно было растить детенышей. Всеядные медведи использовали лабиринты пещер для зимней спячки. Медвежий сон в пещерах был особенно сладок.

Мог поселиться здесь и пещерный лев, но огромные львы не любили пещеры и охотились на равнине на крупных исполинских оленей, сиватериев, кабанов. Гиены предпочита-

ли более мелких козлов, которых было достаточное количество в округе,

Казалось, что такой порядок будет существовать вечно. Но появились двуногие существа и стали проявлять интерес к пещерам как к жилищам. Любовь к пещерам приводила к удивительному соседству: в одной пещере со сложной системой лабиринтов могли уживаться и люди, и медведи, и гиены. Так, человек справляющий нужду в отдаленной части пещеры возле валуна, закрытого медвежьей шкурой, вдруг замечал, что это реальный спящий медведь. Нужда справлялась в таком случае очень быстро.

Мирное со существование прерывалось единичными стычками. Звери метили границы своей территории, люди отгораживались стенками из камней.

Глава 4. Схватка

Старая матерая гиена этой ночью не вышла со своей стаей на охоту. Статус главной самки позволял ей остаться в пещере вместе со своей дочерью, Она дремала. Запах крови прервал ее сон. Пахло из глубины пещеры, куда она редко заходила. Чуткий нос напомнил, что также пахло человеческой кровью 16 лет назад, когда она растерзала молодую женщину. У той женщины был детёныш, её грудь была полна молока, она пахла детёнышем.

Гиена не стала тогда искать ребенка. В тот момент ее занимали поиски логова, где можно было разрешиться от беременности самой и разместиться ей и сородичам.

Лабиринт пещер, пронизывающий скальный массив, подходил как нельзя лучше. Правда пришлось подраться с медведями, готовящимся к зимней спячке в этих больших норах. Кости погибших в той грызне разбросаны по всему лабиринту.

Став альфа-самкой, гиена регулярно метила границы территории своей стаи. Её владения заканчивались в овальном гроте с расселиной в стене. Там иногда пахло дымом и двуногими. Но это не сильно волновало предводительницу. Гораздо хуже, если бы пахло злейшими врагами гиен – пещерными львами. Но львами не пахло.

Гиена крутила носом и возвращалась к стае.

Сегодня, взбодрившись знакомым запахом, гиена встала, потянулась и пошла непонятым аллюром к источнику запаха. Источником запаха был Хром.

Её дочь, мгновенно пошла за ней: она знала, что мать может сняться с лежки, только почуяв наживу или опасность. В любом случае надо повторять ее движения.

Молодая хищница тьякнула два раза, обозначив свое участие и тут же напоролась на оскаленные клыки матери: «Тише!!»

Но звук, отраженный от каменных стен, долетел до ушей юношей. Характерное тьяканье невозможно ни с чем спутать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.